

Идеологемы национальной идентичности как социокультурный фактор: славистика на пути к отрицанию «славянского единства»

Мягков Г.П.

доктор исторических наук,
профессор исторического факультета
Казанского государственного университета

Недашковская Н.И.

кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры
русской литературы филологического
факультета Казанского государственного
университета

В статье на примере анализа опыта развития славистики ставится проблема деконструкции остаточной идеологемы как набора аксиологических предположений, унаследованных из предыдущих идеологических контекстов. Делается вывод, что остаточные идеологемы, несмотря на временную дистанцию, продолжают формировать сознание современного человека, «встраивать» его в вековой процесс нациестроительства, в формирование национальной идентичности. Публикация подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых № МК-3567.2007.6.

Современная социология стремится с помощью исследований ценностей вскрыть культурные, политические, идеологические и т.п. доминанты общества и тенденции их развития [7, С.11]. Эффективность усилий социологов в решении названной задачи возрастет при обращении к общественным наукам и одновременно привнесении исторического измерения, в том числе в изучение культурных практик. Примером данного взаимодействия могут быть обращение и включение в междисциплинарное взаимодействие таких «многослойных», находящихся до сих пор в процессе определения своей предметной области научных дисциплин, как славяноведение (славистика), востоковедение, антропология (в широком смысле), этнология и т.п.

Обращение к опыту развития славистики позволяет рассмотреть проблему взаимосвязи формирования национальной идентичности, роли в этом процессе остаточных идеологем, которые, несмотря на временную дистанцию, продолжают формировать сознание современного человека, «встраивать» его в вековой процесс нациестроительства.

Славистика формировалась в Европе и России в русле целого ряда интеллектуальных проектов «Национального Возрождения» славянских народов [1; 4; 13]. Эти проекты опирались на идеи немецкого романтизма и порожденной им философии языка [8]. На их основе и была создана идеологема национального строительства: «язык – нация – государство» (И. Гердер, И. Фихте, В. Гумбольдт, А. Шлейхер,

Й. Добровский и др.). В соответствии с этой триадой основой национальной идентичности и признаком «национальной культуры» в самом широком смысле служил язык, в нашем случае – языковое родство славян.

Концепция народа/нации, основанная на языковом единстве, легла и в основу науки о славянском мире, продиктовала структуру, целеполагание ее исследований. При формировании славяноведения такие методологически обоснованные дисциплинарные определения, как литературоведение, языкознание, история, этнография, этнология, социология и пр. оказываются подчиненными, включаются в систему искусственно созданной лингвоцентрической науки.

Сложность подхода, а также вовлеченность науки о славянах в политические процессы – те причины, которые традиционно называют историографы, объясняя противоречия и определенную ограниченность, наблюдаемые как в оценке отдельных открытий, роли отдельных личностей, так и в осмыслении наследия целых научных школ, периодов развития. При этом уделяется недостаточно внимания проблеме формирования представлений о предмете и методе славяноведения, а именно она оказывается ключевой в изучении данной проблемы.

Вершинной точки кризиса историография славистики достигла в период создания и работы Международной комиссии по истории славистики, которая была учреждена на IV Международном съезде славистов в 1958 г. (Москва) [9], что несколько десятилетий спустя было признано самими славистами (например профессором Белградского университета, председателем Комитета славистов Югославии М. Сибинович) [10]. Именно тогда, когда Комиссия начала подготавливать систематические исследования и будущие издания, оказалось, что не существует единого взгляда на то, что в действительности должно быть предметом этих исследований. На симпозиумах в Вене (1960) и Геттингене (1964) была сформулирована концепция, в соответствии с которой исследования по истории славистики должны быть посвящены прежде всего изучению «таких дисциплин, как славянское языкознание, славянское литературоведение, славянский фольклор и т.д.» [9, С.35]. Эта работа должна была привести к написанию всеобъемлющей «истории славянской

филологии, составленной в виде энциклопедии, в которой будет уделено внимание как общетеоретическим вопросам, так и совершенно конкретным проблемам, как, например, деятельность выдающихся филологов-славистов» [9, С.36]. Фактически, славяноведение искусственно превращалось в исключительно филологическую дисциплину, а «персональная» история славистики оказывалась механически оторвана от самого процесса развития науки, превращаясь в прикладную область историографии.

Только на симпозиуме в 1967 г. (Штиржин) вновь возобладало мнение, что историю славистики необходимо создавать, четко понимая, что славистика – это «комплекс», в который входят языкознание, литературоведение, история искусств, история славянских народов, история культуры. Однако так и не было предложено ни одной исследовательской стратегии, которая объясняла бы, как это сделать. Прения по этому вопросу, как и по вопросу о принципах отбора материала (история изучения общего или особенного в славянских культурах), продолжают до наших дней, и весьма показательно, что проект истории славяноведения так и не осуществился.

В 1990-е годы в результате актуализации исследования природы и истории национализма возникли предложения заменить в славистике этнический подход, например, на географический, что серьезно расширит контекст истории научных школ и методов [5]. При таком подходе славяноведение, как и его история, полностью откажется от своего предмета. Однако подобные проекты весьма показательны для иллюстрации состояния науки и ее историографии. Они подтверждают наличие ситуации кризиса не меньше, чем непосредственный анализ материалов славистических съездов и комиссий [10, С.21–31].

Сам междисциплинарный замысел этой науки, сформировавшийся под влиянием метаидей эпохи, предполагает, что история славяноведения должна представлять собой междисциплинарные исследования стратегий создания славянской идентичности различными поколениями славяноведов в контексте интеллектуальной истории России и Европы.

Уже в 1980–90-е гг. в Восточной Европе сложилась традиция изучения процессов

взаимодействия научного сообщества с идеологическим строительством как составляющей проектов Национального возрождения славян [12; 13]. Такой подход позволяет актуализировать для истории науки повседневность научной деятельности, раскрыть взаимосвязь между качеством научной коммуникации (диалог, конфликт поколений, мифологизация истории науки) и интеллектуальной историей эпохи, сократить дистанцию между историографом и его героем и, следовательно, найти истинные интенции создания тех или иных научных трудов и целых научных направлений, т.е. раскрыть суть самого проекта данной науки и ее предмета, который в современной славистике оказался практически утрачен.

Первый по хронологии, самый масштабный и влиятельный, – чешский проект Национального Возрождения был запущен, как это традиционно определяют, в 1780 г. – в самом начале правления императора Иосифа II, который олицетворял собой просвещение, поощрял развитие наук и отменил уже 1 ноября 1781 года крепостное право. С этого времени в Европе можно наблюдать последовательное конструирование новой идеологии – идеологии славянского национализма. Для чешского Национального Возрождения она выстраивалась прежде всего как эмансипационная борьба с немецкой культурой и установка на язык как основу культуры и национальной идентичности. Вокруг языка и на его основе строились все институты и политические структуры Национального Возрождения. Признаком самоопределения, суверенитета, культурных и гражданских достоинств и вообще «национальной культуры» в самом широком смысле служил именно язык. Все другие принципы – идейные, политические, философские, территориальные, этические, гражданские или религиозные – уступали языку с точки зрения «национально-возрожденческой» иерархии ценностей. При этом важно, что язык понимался как позитивный принцип конструирования коллективной идентичности, но в то же время и как принцип негативный, противонемецкий, противогабсбургский, «противочужеродный». Культивирование языка сопровождалось культивированием ксенофобии. Важно заметить, что лидеры движения Национального Возрождения – Йозеф Добровский,

Франтишек Палацкий, Йозеф Юнгманн – были воспитаны именно в рамках немецкой и немецкоязычной культуры, и чешский язык был скорее сферой их интеллектуального творчества, умственным проектом.

Лингвоцентризм чешского Национального Возрождения во многом определил последующие стратегии конструирования славянской идентичности в Европе и России. В 1790-е гг. Й. Добровский (1753–1829) впервые заявил о необходимости комплексного изучения языков и культур всего славянского мира. В своем фундаментальном труде «История чешского языка и литературы» (1792), определяя место славянских языков среди других европейских, Добровский установил ряд неизвестных ранее соответствий в латинском, немецком, церковнославянском, русском, других славянских языках. Он также прогнозировал открытие славянского закона открытых слогов, впервые указав на закономерное стремление славянских согласных к началу слога, а гласных к концу (нем. *Bart* – слав. брада, нем. *Milch* – слав. молоко, лат. *mortior, mortuus* – слав. мья и др.). Этим произведением и своими позднейшими трудами, из которых важнейшим является работа «Основы древнего диалекта славянского языка» (1822), Добровский заложил основы научной славянской филологии: впервые был осмыслен и заявлен славяноведческий комплекс – необходимость синтеза инструментария целой совокупности наук о едином предмете – славянском мире. Но путей реализации задуманного Й. Добровский определить не смог.

Первые методологические открытия на пути реализации проекта комплексной науки о славянах были сделаны в России в конце 1810-х – 1820-е годы, и также – под знаком просветительских идей о европейской республике и романтических увлечений интеллектуалов идеями нации, которые органично встраивались в ситуацию востребованности в политической жизни империи идей славянского национализма [8, С.112–138], поскольку он стал своеобразным альтернативным проектом по отношению к национализму русскому.

И практически все эти принципиальные методологические построения были сгенерированы одним человеком – академиком А.Х. Востоковым (1781–1864). А.Х. Востоков известен в

истории науки как крупнейший языковед первой половины XIX в., стоявший у истоков сравнительно-исторического изучения славянских языков. Ему принадлежат труды по сравнительной грамматике славянских языков, лексикографии церковнославянского и русского языков, палеографии [он осуществил первое научное издание «Остромирова Евангелия», описал коллекцию рукописей «Румянцевского музеума», коллекцию рукописей митрополита Евгения (Болховитинова)]. В «Рассуждениях о славянском языке» (1820) Востоков впервые раскрыл существование носовых гласных в старославянском языке, доказал, что буквы ѣ и ѣ в славянских рукописях обозначали гласные звуки.

С «Рассуждения...» традиционно в историографии начинается история сравнительно-исторического метода в славянском языкознании, поскольку Востоков обосновывает и применяет этот метод одновременно с Ф. Боппом и Я. Гриммом, не будучи знаком с их трудами (и имея только уже поставленную Й. Добровским задачу найти метод для реализации славяноведческого комплекса). Этот труд [6, С.162–192] является ключевым в формировании восточного проекта науки о славянском мире еще и потому, что здесь впервые научно обоснована первая и важнейшая идеология славянского национализма – идеология славянской общности, родства культур.

Но еще в 1812 г., как бы завершая поэтические эксперименты ученого, вышла работа «Опыт о русском стихосложении» [2], которую не рассматривают, как и все ранние работы, исследователи сравнительно-исторического метода в славянском языкознании. А между тем, обобщив весь собранный фольклорный материал и разновременные оригинальные поэтические опыты различных национальных литературных традиций, А.Х. Востоков выстроил схему взаимосвязи между свойствами языков и системами стихосложения в их историческом развитии, которую прокомментировал уже в дополненном переиздании 1817 г.: «В сем опыте рассматриваются преимущественно народные русские стихи; не с меньшею, однако, подробностью излагаются и другие размеры или виды стихов, заимствованные русскими у иных народов: и сие для полного сравнительного обозрения сих размеров, а не для того, чтобы автор хотел написать

учебный курс, или систематическое начертание правил поэтических по всем родам стихов» [3]. Таким образом, очевидно, что принципы сравнительного изучения фактов родственных культур и сопоставления их с неродственными сложились у Востокова еще в период увлечений поэзией. Но чрезвычайно значимо также, что все эти разнородные увлечения были подчинены четкой методологической установке. И при этом важно, что свой сравнительный метод, как видим, он впервые применил не к фактам языка, а к формальным структурам средневековой славянской поэзии. Из этого следует, что А.Х. Востоков не декларативно, а на практике показал, как сравнительный метод может обслуживать славяноведческий комплекс, заявленный Й. Добровским. Именно сравнительный метод может обеспечить этот комплекс и позволит продуктивно пройти этап накопления фактов науки со столь обширным и нечетким предметом исследования.

Как показала история науки, славяноведение по этому пути не пошло, избрав стратегию накопления фактов и последующей все большей специализации. Это развело в методологическом плане последующие поколения славяноведов с самим первоначальным проектом науки – славяноведческий комплекс сохранялся лишь на уровне декларации, придающей славистике особый идеологический интерес и позволяющей оставаться внутри процесса национализма.

Таким образом, расовая по своей сути, данная концепция действует в современной славистике, выступая как остаточная идеология. С лингвистической точки зрения это оправдывается генетической и типологической общностью славянских языков. Такая общность, несомненно, есть, но неприкосновенное для славистики единство «язык – литература – история» уже давно представляется не таким бесспорным. Почему типологическое родство языков должно быть принципиальным обоснованием для формирования искусственного предмета «славянские литературы», «история славянских народов», «история славянских стран» и т.п.?

При этом следует отметить, что идеологический пафос «славянской борьбы» против «культурного», «цивилизационного» доминирования Западной Европы и прочих «чужаков» выступает цементирующим конструктом исследований,

более того, самих сообществ славяноведов. Эта ситуация не меняется и тогда, когда славистика редуцируется к русистике или сводится к изучению отдельных славянских «единиц» – польской, чешской или «югославянской». Эта практика достаточно естественна и часто неизбежна, она выливается, например, в формирование в университетах соответствующей структуры – славянских кафедр. Сложилась ситуация, при которой до сих пор публично не оспорены учебные пособия, выстроенные на расово-лингвистической основе, хотя представляют они материалы о развитии философии, литературы, искусства, общественных процессов. Абсурдность этой ситуации особенно заметна, когда в рамках одной кафедры или одного института сосуществуют – в границах одной дисциплины – такие «подразделения низшего порядка», как болгаристика, полонистика, сербистика, хорватистика, лужицкая сербистика и т.д., рядом с якобы «общими» предметами, касающимися, скажем, «славянской литературы», «славянской истории». Эта ситуация не имеет аналогий: нельзя привести примеры изучения эстонской литературы «в комплекте» с венгерской, немецкой культуры вместе с английской и норвежской и, к счастью, давно уже не существует такой специальности, как «арийские исследования». Но разговор о литературе славянских народов то и дело начинается по-прежнему с перечисления древних племен, их противостояния соседям (как правило, немцам) и истории их борьбы за независимость. И наоборот, такие совершенно органичные определения исследовательских намерений, подразумевающие культуру некоторой области и реально существующий контекст, как Department of German, Slavic and Judaic Studies – воспринимаются как казус.

Очевидно, остаточная идеологема является набором аксиологических предположений, которые унаследованы из предыдущих идеологических контекстов. Агрессивность остаточных идеологем при этом является часто очень неброской: результат их действия выглядит как естественно сложившаяся традиция, нейтральное и общепонятное положение дел. Остаточная идеологема проявляется в большинстве случаев без опоры на актуальные воззрения тех, кто являются ее – часто незаметными – носителями. Но это никак

не лишает ее власти, влияния, авторитета. Смещение исследовательских установок на саморефлексию, на изучение самого процесса формирования идеологем, а также механизмов трансляции их в последующие эпохи позволит деконструировать остаточные идеологеми национализма в современном общественном сознании.

Литература:

1. Андерсон, Б. Воображаемое сообщество. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с английского В. Николаева. – М., 2001.
2. Востоков, А.Х. Опыт о русском стихосложении // Санкт-Петербургский вестник. 1812. – Ч. II. – № 4–6.
3. Востоков, А.Х. Опыт о русском стихосложении. – СПб., 1817.
4. Вульф, Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. И Федюкина. – М.: Новое литературное обозрение, 2003.
5. Дюришин, Д. Проблемы особых межлитературных общностей. – М., 1993.
6. Колесов, В.В. Открытие метода: А.Х. Востоков // Колесов В.В. История русского языкознания: Очерки и этюды. – СПб., 2003.
7. Лурье, С.В. Историческая этнология. – М.: Аспект Пресс, 1997.
8. Майорова, О. Славянский съезд 1867 года: Метафорика торжества // Новое литературное обозрение. 2001. – № 51.
9. Прокофьева, Н.А. Международная комиссия по истории славистики // Славяноведение и балканистика за рубежом: Сб. статей и материалов. – М., 1980.
10. Сибинович, М. Некоторые актуальные вопросы современной славистики // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – М., 1995.
11. Dobrovsky, J. Geschichte der Böhmischen Sprache und Litteratur. – Praga, 1792.
12. Kulecka, A. Miedzy slowianofilstwem a slowianoznawstwem. Idee slowianskije w zyciu intelektualnym Warszawy lat 1832–1856. – Warszawa: Neriton, 1997.
13. Macura, V. Znameni zrodu. Cesko obrozeni jako kulturni typ. – Praga: Ceskoslovenskyi spisovatel, 1983.